

Научная статья

УДК 336.227

## **МЕЖДУНАРОДНАЯ КООРДИНАЦИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ БИЗНЕСА**

**Ладынин Андрей Иванович, Доктор экономических наук, Доцент, МИРЭА  
- Российский технологический университет, Россия, Москва,  
andrey\_ladynin@list.ru**

**Аннотация.** Цифровизация и глобализация предпринимательской деятельности обострили противоречие между трансграничным созданием стоимости и традиционным распределением налоговых прав, значительная часть которого исторически связывалась с физическим присутствием компании. Цель исследования состоит в выявлении современных направлений международной координации корпоративного налогообложения и оценке институциональных и экономических последствий двухкомпонентного решения OECD/G20 в условиях неодинаковых темпов его реализации. Методическую основу составили сравнительно-институциональный анализ, анализ международных налоговых правил и сопоставление результатов современных исследований налоговой конкуренции и инвестиционного поведения многонациональных предприятий. Уточнены различия в стадиях реализации двух компонентов реформы. Amount A Pillar One, предусматривающий перераспределение части налоговых прав в пользу рыночных юрисдикций, в 2026 г. остаётся нереализованным многосторонним механизмом, тогда как Amount B включён в рекомендации OECD по трансфертному ценообразованию и может применяться юрисдикциями с 2025 г. Показано, что глобальный минимальный налог уменьшает роль крайней налоговой дифференциации и стимулы к искусственному перемещению прибыли, однако не устраняет налоговую конкуренцию и не позволяет однозначно прогнозировать географическое перераспределение прямых иностранных инвестиций. В конкуренции между юрисдикциями возрастает

значение сочетания налоговых инструментов с инфраструктурой, кадровым потенциалом, размером рынка и мерами поддержки реальной экономической деятельности. Обосновано, что распределительные последствия реформы различаются для юрисдикций источника дохода, стран расположения материнских компаний, крупных рынков и государств, ранее активно использовавших низкие эффективные налоговые ставки. Дополнительным фактором развития международной налоговой архитектуры становятся переговоры о Рамочной конвенции ООН по международному налоговому сотрудничеству. Сделан вывод о переходе от поиска единого универсального решения для «цифровой экономики» к многоуровневой системе координации, в которой сосуществуют правила перераспределения налоговых прав, глобального минимального налогообложения, трансфертного ценообразования и налогообложения трансграничных услуг.

**Ключевые слова:** международное налогообложение; цифровизация; Pillar One; Pillar Two; глобальный минимальный налог; GloBE; международная налоговая координация; налоговая конкуренция; прямые иностранные инвестиции; транснациональные корпорации.

Original article

## **INTERNATIONAL TAX COORDINATION IN THE CONTEXT OF BUSINESS DIGITALISATION**

**Andrey Ivanovich Ladynin, Doctor of Economics, Associate Professor, MIREA - Russian Technological University, Moscow State University of Instrument Engineering and Informatics, Moscow, Russia, andrey\_ladynin@list.ru**

**Abstract.** Digitalisation and the globalisation of business activities have intensified the mismatch between cross-border value creation and traditional rules for allocating taxing rights, many of which historically relied on physical presence. The study aims to identify current directions of international corporate tax coordination and

assess the institutional and economic implications of the OECD/G20 Two-Pillar Solution under uneven implementation. The methodology combines comparative institutional analysis, examination of international tax rules and a synthesis of recent research on tax competition and multinational investment behaviour. The paper distinguishes clearly between the implementation stages of the two pillars. Amount A of Pillar One, which would reallocate a portion of taxing rights to market jurisdictions, remains an unimplemented multilateral mechanism in 2026, whereas Amount B has been incorporated into OECD transfer-pricing guidance and can be applied by jurisdictions from 2025. The analysis shows that the global minimum tax reduces extreme tax differentials and incentives for artificial profit shifting but does not eliminate tax competition and does not imply an unambiguous geographical redistribution of foreign direct investment. Competition among jurisdictions is increasingly based on combinations of tax instruments, infrastructure, skills, market size and support for substantive economic activity. The distributional consequences differ across source jurisdictions, headquarters economies, large consumer markets and jurisdictions that historically relied heavily on low effective corporate tax rates. Negotiations on the United Nations Framework Convention on International Tax Cooperation represent an additional element of the emerging global tax architecture. The paper concludes that international tax governance is moving away from the search for a single universal solution for the “digital economy” towards a multi-level system combining rules on taxing-right allocation, minimum taxation, transfer pricing and cross-border services.

**Keywords:** international taxation; digitalisation; Pillar One; Pillar Two; global minimum tax; GloBE; international tax coordination; tax competition; foreign direct investment; multinational enterprises.

**Актуальность вопроса международной координации в области налогообложения цифрового бизнеса.** Цифровизация мировой экономики изменила не только технологии ведения бизнеса, но и территориальную

привязку создания дохода, размещения активов, местонахождения потребителя и налогообложения.

Традиционная архитектура международного корпоративного налогообложения в значительной степени исходила из различия между государством резидентства компании и государством источника дохода, а возможность налогообложения предпринимательской прибыли иностранной компании обычно связывалась с наличием достаточно устойчивого экономического присутствия.

Цифровые бизнес-модели сделали данное противоречие особенно заметным: компания способна получать значительную выручку от пользователей и потребителей конкретной страны при ограниченном физическом присутствии. Однако проблема постепенно вышла за пределы собственно цифрового сектора. Высокая мобильность нематериальных активов, внутригруппового финансирования и отдельных функций транснациональных компаний превратила вопрос в более широкую проблему распределения прибыли и налоговых прав в глобализированной экономике [2-5].

Поэтому современное двухкомпонентное решение OECD/G20 не следует описывать как специальный налоговый режим исключительно для технологических платформ.

Pillar One связан прежде всего с распределением налоговых прав между юрисдикциями.

Pillar Two устанавливает механизм минимального эффективного налогообложения крупных многонациональных групп независимо от их принадлежности к цифровой отрасли [13, 15].

Данное разграничение имеет особое значение в 2026 г., поскольку два направления реформы развиваются неодинаково.

Многосторонняя конвенция по Amount A Pillar One, опубликованная в 2023 г., по состоянию на 2026 г. всё ещё не открыта для подписания [13]. Следовательно, новый механизм перераспределения остаточной прибыли в

пользу рыночных юрисдикций пока нельзя характеризовать как действующую глобальную систему.

Одновременно Pillar Two уже функционирует в значительном числе стран. К марту 2026 г. около 65 юрисдикций приняли соответствующие правила, включая все государства - члены Европейского союза [15-17].

В январе 2026 г. к архитектуре глобального минимального налога был добавлен пакет Side-by-Side, предусматривающий специальные safe harbour-механизмы для многонациональных групп, головная компания которых находится в юрисдикции с признанной системой минимального налогообложения. Соединённые Штаты включены OECD в перечень юрисдикций с соответствующим режимом с 1 января 2026 г.; при этом применение квалифицированных внутренних минимальных дополнительных налогов QDMTT сохраняется [16].

Таким образом, основной исследовательский вопрос сегодня состоит не только в том, как облагать цифровой бизнес, но и в том, каким образом несколько параллельных международных механизмов перераспределяют налоговые права, ограничивают отдельные формы налоговой конкуренции и влияют на инвестиционные решения многонациональных предприятий.

Цель исследования заключается в анализе современного состояния международной налоговой координации и её потенциальных последствий для распределения налоговых доходов, инвестиционной привлекательности и корпоративных стратегий.

**Развитие научной дискуссии по рассматриваемой проблеме.** Развитие международной налоговой координации в условиях цифровизации целесообразно рассматривать не как линейную замену одних правил другими, а как постепенное расширение предмета регулирования.

Первоначальный этап был связан с электронной коммерцией. В конце 1990-х - начале 2000-х гг. обсуждение концентрировалось вокруг применимости существующих категорий налогового права к веб-сайтам, серверам и

удалённому оказанию услуг. Базовая международная архитектура при этом в целом сохранялась.

Второй этап был обусловлен ростом мобильности прибыли и нематериальных активов. Проект OECD/G20 BEPS, начатый в 2013 г., показал, что цифровизация усиливает уже существующие проблемы трансфертного ценообразования, использования нематериальных активов, договорных структур и искусственного перемещения прибыли. Поэтому одной из ключевых идей BEPS стало отсутствие возможности изолировать «цифровую экономику» от остальной экономики.

Третий этап характеризовался распространением односторонних цифровых налогов. Поскольку многосторонний компромисс формировался медленно, ряд государств ввёл налоги на цифровые услуги и иные специальные механизмы [3, 11]. Это усилило риск одновременного налогообложения одних и тех же потоков различными инструментами и возникновения торгово-налоговых конфликтов.

Четвёртый этап начался с политического соглашения OECD/G20 2021 г. о Two-Pillar Solution. Однако последующее развитие показало, что два компонента реформы имеют принципиально разные траектории.

Amount A Pillar One пока остаётся проектом многостороннего перераспределения налоговых прав [13], тогда как Amount B уже включён в рекомендации OECD по трансфертному ценообразованию и доступен для применения к соответствующим базовым маркетинговым и дистрибьюторским операциям с 2025 г. [14].

Pillar Two перешёл к практическому применению с 2024 г., после чего соответствующая система продолжила развиваться посредством административных разъяснений, обмена информацией в формате GloBE Information Return и пакета Side-by-Side 2026 г. [15-17].

Пятый этап, формирующийся в 2025-2026 гг., связан с институциональной диверсификацией международной налоговой координации. Параллельно с

OECD/G20 под эгидой ООН ведутся переговоры по Рамочной конвенции ООН о международном налоговом сотрудничестве и двум ранним протоколам, один из которых посвящён налогообложению трансграничных услуг в условиях цифровизации [22-24].

Таким образом, современный этап корректнее характеризовать как переход к многоуровневой архитектуре налоговой координации (таблица 1).

Таблица 1 - Состояние основных элементов международной налоговой реформы в 2026 г.

| Элемент               | Экономическая задача                                                                                                                         | Сфера применения                                          | Состояние в 2026 г.                                                                                                       |
|-----------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Pillar One – Amount A | Перераспределение части налоговых прав в пользу рыночных юрисдикций                                                                          | Крупнейшие и наиболее прибыльные многонациональные группы | Текст многосторонней конвенции опубликован в 2023 г., но механизм не введён; конвенция не открыта для подписания [13]     |
| Pillar One – Amount B | Упрощение трансфертного ценообразования по базовым маркетинговым и дистрибьюторским операциям                                                | Определённые внутригрупповые операции                     | Включён в OECD Transfer Pricing Guidelines; юрисдикции могут применять подход для соответствующих периодов с 2025 г. [14] |
| Pillar Two – QDMTT    | Предоставление юрисдикции источника/места деятельности первоочередной возможности довести локальный эффективный налог до минимального уровня | Группы в сфере действия GloBE                             | Применяется в ряде юрисдикций; сохраняет приоритет и после Side-by-Side [15-17]                                           |
| Pillar Two – IIR      | Дополнительное налогообложение низкооблагаемой прибыли через структуру владения                                                              | Крупные многонациональные группы                          | Применяется во многих юрисдикциях с 2024 г. [15]                                                                          |
| Pillar Two – UTPR     | Резервный механизм взимания top-up tax при отсутствии соответствующей IIR                                                                    | Крупные многонациональные группы                          | Введён/вводится в имплементирующих юрисдикциях; с 2026 г. взаимодействует с Side-by-Side safe harbours [15, 16]           |
| Side-by-Side system   | Согласование GloBE с признанными ранее существовавшими режимами минимального                                                                 | Группы с UPE в признанной юрисдикции                      | Действует для соответствующих финансовых лет с 1 января 2026 г.; QDMTT                                                    |

|                                 |                                                                                                                                     |                                                           |                                                                                                                   |
|---------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
|                                 | налогообложения                                                                                                                     |                                                           | сохраняется [16]                                                                                                  |
| STTR                            | Дополнительное право государства источника облагать определённые внутригрупповые платежи при низкой ставке в государстве получателя | Установленные виды трансграничных внутригрупповых доходов | Развивается через договорный механизм; минимальный ориентир составляет 9% [21]                                    |
| UN Framework Convention process | Создание дополнительной институциональной основы международного налогового сотрудничества                                           | Более широкий круг международных налоговых вопросов       | Переговоры идут в 2025–2027 гг.; в 2026 г. обсуждаются тексты рамочной конвенции и двух ранних протоколов [22-24] |

Источник: составлено авторами.

Механизм Amount A должен предоставить рыночным юрисдикциям право облагать часть прибыли крупнейших и наиболее прибыльных многонациональных групп независимо от традиционного критерия физического присутствия.

Разработанная конструкция предусматривает порог глобальной выручки свыше 20 млрд евро и рентабельность более 10%; к Amount A относятся 25% прибыли, превышающей порог рентабельности 10% и подлежащей распределению между отвечающими условиям рыночными юрисдикциями [13].

Корректнее определить Amount A как дополнительный механизм распределения ограниченной части прибыли, дополняющий действующие международные правила определения налоговой привязки и распределения прибыли.

Это важно, поскольку утверждение о создании «прецедента отказа от постоянного учреждения» и о подрыве тем самым «фундаментального столпа международного налогового права» сформулировано чрезмерно широко. Amount A не предполагает отмены обычных договорных правил налогообложения всей предпринимательской прибыли.

Необходимо также учитывать текущий статус реформы. Опубликованная OECD в октябре 2023 г. Multilateral Convention to Implement Amount A по состоянию на 2026 г. всё ещё не открыта для подписания [13].

Поэтому соответствующие фискальные эффекты должны описываться как потенциальные.

При этом Pillar One имеет второй компонент - Amount B, который получил практическое развитие. Он упрощает применение принципа arm's length к отдельным базовым маркетинговым и дистрибьюторским операциям и с 2024–2025 гг. интегрирован в рекомендации OECD по трансфертному ценообразованию [14]. В 2026 г. OECD продолжает обновлять инструментарий его применения.

Pillar Two распространяется не только на цифровые компании, а на многонациональные группы, как правило, с консолидированной годовой выручкой не менее 750 млн евро [15, 18].

Его центральная идея заключается в обеспечении минимального эффективного уровня налогообложения прибыли соответствующей группы в каждой юрисдикции.

Базовый ориентир составляет 15%, однако механизм нельзя сводить к простому сравнению номинальной ставки корпоративного налога с величиной 15%.

Эффективная налоговая ставка GloBE рассчитывается по юрисдикции на основе Covered Taxes и GloBE Income or Loss, определяемых с использованием данных финансовой отчётности и предусмотренных правилами корректировок [15]. Если рассчитанная ставка оказывается ниже минимальной, может возникать дополнительный налог.

Архитектура включает:

1) Qualified Domestic Minimum Top-up Tax (QDMTT) - позволяет государству, где возникает низкооблагаемая прибыль, при соблюдении квалификационных требований самостоятельно взимать соответствующий дополнительный налог;

2) Income Inclusion Rule (IIR) - переносит дополнительное налогообложение вверх по структуре группы;

3) Undertaxed Profits Rule (UTPR) - выполняет резервную функцию, когда квалифицируемая IIR не обеспечивает взимание соответствующего top-up tax [15].

С 2026 г. архитектура дополнительно модифицирована пакетом Side-by-Side [16]. Он предусматривает возможность признания определённых ранее существовавших режимов минимального налогообложения и применения safe harbours к соответствующим группам. Соединённые Штаты включены в Central Record как юрисдикция с Eligible Side-by-Side Regime с 1 января 2026 г. При этом QDMTT других государств продолжает применяться к прибыли, возникающей в таких государствах [16].

STTR следует отделять от GloBE-правил IIR, UTPR и QDMTT - это договорное правило, предоставляющее государству источника ограниченное дополнительное право налогообложения определённых категорий трансграничных внутригрупповых платежей, если соответствующий доход облагается в государстве получателя по ставке ниже установленного минимума.

Для STTR ориентир составляет 9% [21].

При этом правило не является «обязательным налогом для развивающихся стран». Обязательство касается членов Inclusive Framework, которые применяют к охватываемому доходу номинальные ставки ниже 9%: при соответствующем запросе они должны включать STTR в налоговые соглашения с определёнными развивающимися юрисдикциями [21].

Тем самым экономическая функция STTR заключается в усилении налоговых прав государства источника, что особенно значимо для стран, характеризующихся значительным объёмом исходящих внутригрупповых платежей (таблица 2).

Таблица 2 - Различия экономической логики Pillar One и Pillar Two

| Критерий                               | Pillar One – Amount A                                                                                         | Pillar One – Amount B                                                                    | Pillar Two                                                                       |
|----------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------|
| Основная проблема                      | Распределение налоговых прав в условиях возможности значительного участия в рынке без физического присутствия | Сложность и конфликтность трансфертного ценообразования базовых дистрибьюторских функций | Низкое эффективное налогообложение и перемещение прибыли                         |
| Основной объект                        | Часть остаточной прибыли крупнейших и наиболее прибыльных МНК                                                 | Базовые маркетинговые и дистрибьюторские операции                                        | Прибыль крупных МНК по отдельным юрисдикциям                                     |
| Ключевой экономический механизм        | Новое право рыночной юрисдикции на часть прибыли                                                              | Стандартизированный подход к arm's length return                                         | Top-up taxation до минимального эффективного уровня                              |
| Зависимость от физического присутствия | Для нового Amount A nexus физическое присутствие не является обязательным                                     | Применяется к существующим внутригрупповым операциям                                     | Не является механизмом нового market nexus                                       |
| Отраслевой охват                       | Не ограничен только цифровыми компаниями                                                                      | Не ограничен цифровыми компаниями                                                        | Не ограничен цифровыми компаниями                                                |
| Состояние в 2026 г.                    | Не введен; MLC не открыта для подписания [13]                                                                 | Может применяться юрисдикциями с 2025 г. [14]                                            | Реально применяется во многих государствах [15–17]                               |
| Основной распределительный конфликт    | Государства рынка против традиционного распределения прав резидентства                                        | Упрощение против точности индивидуального трансфертного ценообразования                  | Государство деятельности, материнская юрисдикция и государства, применяющие UTPR |
| Основной риск                          | Политическое отсутствие многосторонней ратификации и сохранение односторонних DST                             | Несогласованное применение разными государствами                                         | Высокая административная сложность и неодинаковая имплементация                  |

Источник: разработано авторами на основе [13-17].

Результаты международной налоговой реформы нельзя корректно описать посредством постоянного перечня стран, которые однозначно «выигрывают» или «проигрывают».

Одна и та же юрисдикция способна одновременно выступать государством расположения материнских компаний; крупным рынком сбыта; государством размещения реальных производственных активов; получателем роялти и процентов; источником соответствующих внутригрупповых платежей.

Поэтому распределительный эффект зависит от конкретного налога и структуры транснациональной деятельности.

**Методология исследования.** Настоящее исследование основано на междисциплинарном подходе, интегрирующем методы институциональной экономики, международного налогового права и эконометрического анализа. Методологическая база включает четыре компонента. Во-первых, сравнительно-правовой анализ: сопоставляются тексты модельных правил ОЭСР по Pillar Two и проекта многосторонней конвенции по Pillar One с действующим налоговым законодательством ключевых юрисдикций — США, стран ЕС, Великобритании, Швейцарии и Сингапура. Во-вторых, анализ практики имплементации: изучается трансформация глобальных норм в национальные законодательные акты на примере Германии, Франции, Японии, Южной Кореи и Великобритании, первыми приступивших к имплементации Pillar Two, а также технические пояснения правительств, отчеты парламентских слушаний и позиции бизнес-ассоциаций. В-третьих, моделирование эффектов для ПИИ: на основе агрегированных данных OECD, UNCTAD и национальных статистических служб за 2010-2024 гг. анализируется структура ПИИ по отраслям и юрисдикциям-реципиентам с низким уровнем налогообложения и строятся регрессионные модели для оценки чувствительности инвестиционных потоков к изменениям эффективной налоговой нагрузки, вызванным внедрением Pillar Two. В-четвертых, экспертный опрос и анализ документации: изучаются отчеты международных организаций (IMF, World Bank), аналитические обзоры

консалтинговых и юридических фирм (PwC, KPMG, Deloitte), а также документы промышленных групп для формирования комплексного представления о практических барьерах и ожиданиях заинтересованных сторон.

**Результаты исследования и их обсуждение.** Имплементация двухкомпонентного решения сопряжена с комплексом взаимосвязанных правовых, административных и политических проблем, которые могут привести к фрагментации единых стандартов и снижению эффективности реформы.

Основная проблема заключается в необходимости инкорпорации сложных международных правил, основанных на финансовой отчетности (МСФО), в национальные налоговые системы, исторически базирующиеся на иных принципах исчисления прибыли. Например, понятие «эффективная налоговая ставка» (ETR) по правилам GloBE (Pillar Two) рассчитывается как отношение начисленного корпоративного налога к финансовой прибыли до налогообложения с многочисленными корректировками. Это требует создания параллельного учета для целей Pillar Two в юрисдикциях, где налоговая база существенно отличается от бухгалтерской (в частности, в США, Германии). Возникают конфликты с существующими правилами контролируемых иностранных компаний (КИК), требующие сложной иерархии применения, что увеличивает юридические риски.

Реализация реформы предъявляет беспрецедентные требования к ресурсам налоговых органов, особенно в развивающихся странах. Необходимы компетенции для анализа консолидированной финансовой отчетности иностранных групп, администрирования сложных правил атрибуции выручки (для Pillar One), проверки расчетов дополнительного налога по Pillar Two, международного информационного обмена в новых форматах.

Нехватка указанных компетенций создает риск формальной имплементации без возможности полноценного правоприменения, что ведет к неравным условиям и потенциальным спорам. Оценочные затраты на адаптацию ИТ-систем и обучение персонала для налоговой службы в среднем составляют,

по разным оценкам, от 5 до 15 млн. евро одновременно с ежегодными расходами на поддержку до 2-4 млн. евро [2], [5].

Существует риск «эффекта первого шага»: страны, откладывающие имплементацию, могут получить временное конкурентное преимущество в привлечении инвестиций, так как на их территории не будет применяться дополнительный налог от иностранных материнских компаний. Это может привести к замедлению процесса и его фрагментации. Кроме того, введение глобальных правил без однозначной ратификации со стороны США, где их принятие требует сложной процедуры в Конгрессе, создает неопределенность, поскольку многие компании, на которые распространяются новые правила, являются американскими.

Внедрение новых правил, особенно Pillar Two, способствует реструктуризации международных инвестиционных потоков; при этом налоговая эффективность перестанет быть доминирующим, но останется значимым фактором.

Прогнозирование чистого изменения прямых иностранных инвестиций в отдельных юрисдикциях требует осторожности.

Низкая налоговая нагрузка действительно может быть одним из элементов инвестиционной привлекательности, однако многие международные финансовые и деловые центры одновременно обладают развитой правовой системой, квалифицированными кадрами, инфраструктурой, финансовыми рынками и значительной сетью международных соглашений.

Поэтому Pillar Two способен сильнее воздействовать на структуры, ориентированные преимущественно на налоговое размещение прибыли, чем на реальную хозяйственную деятельность, имеющую самостоятельные экономические основания.

Современные количественные исследования также не позволяют сделать прямой вывод о том, что введение минимального налога ведет к оттоку ПИИ. Работа Bares et al. 2026 г. показывает уменьшение прибыли, но эффект на

инвестиционные решения зависит от сочетания стоимости капитала и сравнительных эффективных налоговых ставок; в модели при ставке 15% изменения географии размещения капитала оказываются более сложными, чем простое выравнивание инвестиционных потоков [19].

Schjelderup и Stähler дополнительно показывают, что Substance-Based Income Exclusion способен изменять стимулы к занятости и материальным инвестициям в низконалоговых юрисдикциях [20].

По мере снижения роли крайних форм налоговой конкуренции на первый план выйдут классические факторы привлечения инвестиций, ориентированных на реальную хозяйственную деятельность, а не на налоговую оптимизацию: качество институтов и верховенство права, размер и динамика внутреннего рынка, уровень развития инфраструктуры и человеческого капитала, научно-технологический потенциал, стабильность макроэкономической и регуляторной среды. Такое положение дел может усилить позиции крупных развивающихся экономик с емким рынком (Индия, Индонезия) и стран с диверсифицированной высокотехнологичной экономикой (Южная Корея, Тайвань). Для сырьевых экономик, не обладающих перечисленными преимуществами, привлечение ПИИ может усложниться.

Стратегии налогового планирования транснациональных корпораций сместятся от минимизации номинальной ставки к оптимизации в рамках установленного минимума:

1) Активное использование квалифицируемых возвратных налоговых кредитов, особенно за НИОКР и «зеленые» инвестиции, которые увеличивают величину начисленного налога в расчете ETR, но могут быть возвращены компании денежными средствами. Это даст преимущество странам, способным предлагать такие стимулы (США, страны ЕС).

2) Более внимательный анализ реальной экономической деятельности в каждой юрисдикции, поскольку прибыль, не связанная с такой деятельностью, в большей степени будет подпадать под дополнительное налогообложение по

правилам IIR или UTPR.

3) Реструктуризация цепочек создания стоимости с учетом новых правил атрибуции прибыли по Pillar One (для крупнейших групп) и необходимости локализации реальных функций и рисков.

В ходе имплементации могут формироваться новые институциональные компромиссы и асимметрии, способные повлиять на достижение заявленных целей реформы. Применительно к ПИИ можно говорить о переходе от «горизонтальной» налоговой конкуренции, основанной на сопоставлении ставок, к «вертикальной» конкуренции, основанной на комплексе фискальных и нефискальных мер государственной политики.

**Выводы.** Цифровизация мировой экономики стала одним из факторов, выявивших ограничения международных правил налогообложения, основанных преимущественно на физическом присутствии, традиционном трансфертном ценообразовании и национальных режимах корпоративного налога.

При этом дальнейшее развитие международной реформы показало, что изолированное налогообложение только цифровых компаний не стало основной долгосрочной моделью.

Two-Pillar Solution распространило предмет регулирования на более широкий круг многонациональных предприятий.

Проведённое исследование позволило установить принципиальную асимметрию реализации двух компонентов.

Amount A Pillar One остаётся проектом перераспределения ограниченной части остаточной прибыли крупнейших и наиболее прибыльных транснациональных групп в пользу рыночных юрисдикций. Несмотря на публикацию текста многосторонней конвенции в 2023 г., механизм в 2026 г. не введён [13].

Amount B встроен в инструментарий OECD по трансфертному ценообразованию [14].

Pillar Two достиг значительно более высокой стадии практической

реализации. Глобальный минимальный налог применяется во многих юрисдикциях, а его конструкция продолжает адаптироваться через административные рекомендации, safe harbours, информационный обмен и Side-by-Side package 2026 г. [15–17].

Исходный тезис о неодинаковом распределении выгод между государствами также подтверждается, но требует функционального подхода. Значение имеют не столько условные категории «развитая», «развивающаяся» или «оффшорная» экономика, сколько положение конкретной юрисдикции в структуре глобальной группы и международных потоков дохода.

В рамках Pillar Two важную роль играет QDMTT, позволяющий государству, в котором возникает низкооблагаемая прибыль, сохранить первоочередную возможность взимания дополнительного налога.

STTR образует отдельный договорный механизм усиления прав государства источника в отношении ряда низкооблагаемых внутригрупповых платежей [21].

Экономическое воздействие глобального минимального налога на ПИИ не может быть сведено к предопределённому оттоку капитала из низконалоговых юрисдикций.

Современные исследования свидетельствуют о снижении стимулов к перемещению прибыли, но показывают значительно более сложное влияние на реальное размещение капитала [18-20].

В этой связи один из основных выводов статьи состоит в том, что налоговая конкуренция смещается от конкуренции ставок к конкуренции комплексных инвестиционных условий. В условиях минимального налогообложения увеличивается относительная роль инфраструктуры, человеческого капитала, правовой определённости, рынка, технологической среды и конструкции государственных стимулов.

### **Список литературы**

1. Тимченко Е. Н., Погорлецкий А. И. Имущественное налогообложение:

- трансформационные изменения в эпоху цифровизации и влияние пандемии COVID-19 // Финансовый журнал. – 2022. – Т. 14. – №. 3. – С. 28-43.
2. Килинкарва Е. В. Международные организации и налоговые вызовы цифровой экономики: между сотрудничеством и конкуренцией // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2025. – Т. 16. – №. 2. – С. 356-369.
3. Пономарева К. А. Сравнительный анализ опыта введения налога на цифровые услуги в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – №. 4. – С. 334-356.
4. Пономарева К. А. Варианты многосторонних решений вопросов международного налогообложения и их оценка с позиции налоговой безопасности государства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2024. – Т. 15. – №. 3. – С. 692-709.
5. Волова Л. И. Осмысление проблемных вопросов проводимой на глобальном уровне реформы международного налогообложения цифровых компаний // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2024. – №. 4. – С. 62-70.
6. Оглоблина Е. В., Макарова В. В. Цифровые валюты центральных банков: международный опыт и риски развития // Теория и практика общественного развития. – 2025. – №. 10. – С. 170-181.
7. Миленин М. В. Цифровой протекционизм: тенденции регулирования трансграничных цифровых потоков // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2025. – №. 4. – С. 42-49.
8. Качур О. В. Влияние глобализации на налогообложение // Современная экономика: проблемы и решения. – 2024. – Т. 10. – С. 158-169.
9. Юткина О. В., Александрова М. В., Маслюкова Е. А. Перспективы применения цифровых технологий для оптимизации налогообложения малого бизнеса // Управленческий учет. – 2023. – №. 3. – С. 309-316.
10. Шатохина М. В. Определение категории «налоговый контроль» в аспекте экосистемы цифрового налогообложения // Финансовые рынки и банки. – 2023.

– №. 11. – С. 126-130.

11. Трошкова Д. Н. Перспективы введения цифрового налога в Российской Федерации // Столыпинский вестник. – 2023. – Т. 5. – №. 2. – С. 1025-1035.

12. Герасименко О. А., Мельничук А. В. Налогообложение и цифровая трансформация экономики в России // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – №. 4-1 (110). – С. 128-132.

13. OECD. Multilateral Convention to Implement Amount A of Pillar One. – Paris: OECD, 2023.

14. OECD. Consolidated Report on Amount B: Inclusive Framework on BEPS. – Paris: OECD Publishing, 2025. – 65 p. DOI: 10.1787/182b47ad-en.

15. OECD. Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy – Global Anti-Base Erosion Model Rules (Pillar Two): Consolidated Commentary 2026. – Paris: OECD, 2026.

16. OECD. Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy – Global Anti-Base Erosion Model Rules (Pillar Two): Side-by-Side Package. – Paris: OECD, 2026.

17. OECD. The Global Minimum Tax Implementation Toolkit. – Paris: OECD Publishing, 2026. – 97 p. DOI: 10.1787/0ee66d84-en.

18. Hugger F., González Cabral A. C., Bucci M., Gesualdo M., O'Reilly P. The Global Minimum Tax and the Taxation of MNE Profit // OECD Taxation Working Papers. – 2024. – No. 68. – 86 p. DOI: 10.1787/9a815d6b-en.

19. Bares F., Devereux M. P., Güçeri İ., Patil V. The Impact of the Global Minimum Tax on Incentives for Business Location, Investment, and Profit Shifting // Journal of International Business Studies. – 2026. DOI: 10.1057/s41267-026-00860-z.

20. Schjelderup G., Stähler F. The Economics of the Global Minimum Tax // International Tax and Public Finance. – 2024. – Vol. 31. – No. 4. – P. 935–952. DOI: 10.1007/s10797-023-09794-w.

21. OECD. Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy – Subject to Tax Rule (Pillar Two): Inclusive Framework on BEPS. – Paris: OECD Publishing,

2023. – 72 p.

22. United Nations General Assembly. Resolution 79/235 of 24 December 2024 on the Promotion of Inclusive and Effective International Tax Cooperation at the United Nations and the Terms of Reference for a United Nations Framework Convention on International Tax Cooperation. – New York: United Nations, 2024.

23. United Nations. Intergovernmental Negotiating Committee on the United Nations Framework Convention on International Tax Cooperation. Workstream II – Taxation of Services: Co-Lead's Draft Options Paper. A/AC.298/CRP.27. – New York, 21 January 2026.

24. Vanderbruggen E. The UN Framework Convention on International Tax Cooperation: Enhancing the Systemic Integration of Global Tax Rules into the International Legal System? // Goettingen Journal of International Law. – 2026. DOI: 10.59609/1868-1581-2291.

## **References**

1. Timchenko E. N., Pogorletskii A. I. Imushchestvennoe nalogooblozhenie: transformatsionnye izmeneniya v epokhu tsifrovizatsii i vliyanie pandemii COVID-19 // Finansovyi zhurnal. – 2022. – T. 14. – №. 3. – S. 28-43.

2. Kilinkarova E. V. Mezhdunarodnye organizatsii i nalogovye vyzovy tsifrovoi ekonomiki: mezhdru sotrudnichestvom i konkurentsiei // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2025. – T. 16. – №. 2. – S. 356-369.

3. Ponomareva K. A. Sravnitel'nyi analiz opyta vvedeniya naloga na tsifrovye uslugi v zarubezhnykh stranakh // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. – 2023. – №. 4. – S. 334-356.

4. Ponomareva K. A. Varianty mnogostoronnikh reshenii voprosov mezhdunarodnogo nalogooblozheniya i ikh otsenka s pozitsii nalogovoi bezopasnosti gosudarstva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2024. – T. 15. – №. 3. – S. 692-709.

5. Volova L. I. Osmyslenie problemnykh voprosov provodimoi na global'nom urovne reformy mezhdunarodnogo nalogooblozheniya tsifrovyykh kompanii // Severo-

Kavkazskii yuridicheskii vestnik. – 2024. – №. 4. – S. 62-70.

6. Ogloblina E. V., Makarova V. V. Tsifrovye valyuty tsentral'nykh bankov: mezhdunarodnyi opyt i riski razvitiya // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2025. – №. 10. – S. 170-181.

7. Milenin M. V. Tsifrovoy proteksionizm: tendentsii regulirovaniya transgranichnykh tsifrovyykh potokov // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2025. – №. 4. – S. 42-49.

8. Kachur O. V. Vliyanie globalizatsii na nalogooblozhenie // Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya. – 2024. – T. 10. – S. 158-169.

9. Yutkina O. V., Aleksandrova M. V., Maslyukova E. A. Perspektivy primeneniya tsifrovyykh tekhnologii dlya optimizatsii nalogooblozheniya malogo biznesa // Upravlencheskii uchet. – 2023. – №. 3. – S. 309-316.

10. Shatokhina M. V. Opredelenie kategorii «nalogovyi kontrol'» v aspekte ekosistemy tsifrovogo nalogooblozheniya // Finansovye rynki i banki. – 2023. – №. 11. – S. 126-130.

11. Troshkova D. N. Perspektivy vvedeniya tsifrovogo naloga v Rossiiskoi Federatsii // Stolypinskii vestnik. – 2023. – T. 5. – №. 2. – S. 1025-1035.

12. Gerasimenko O. A., Mel'nichuk A. V. Nalogooblozhenie i tsifrovaya transformatsiya ekonomiki v Rossii // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. – 2024. – №. 4-1 (110). – S. 128-132.

13. OECD. Multilateral Convention to Implement Amount A of Pillar One. – Paris: OECD, 2023.

14. OECD. Consolidated Report on Amount B: Inclusive Framework on BEPS. – Paris: OECD Publishing, 2025. – 65 p. DOI: 10.1787/182b47ad-en.

15. OECD. Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy – Global Anti-Base Erosion Model Rules (Pillar Two): Consolidated Commentary 2026. – Paris: OECD, 2026.

16. OECD. Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy – Global

Anti-Base Erosion Model Rules (Pillar Two): Side-by-Side Package. – Paris: OECD, 2026.

17. OECD. The Global Minimum Tax Implementation Toolkit. – Paris: OECD Publishing, 2026. – 97 p. DOI: 10.1787/0ee66d84-en.

18. Hugger F., González Cabral A. C., Bucci M., Gesualdo M., O'Reilly P. The Global Minimum Tax and the Taxation of MNE Profit // OECD Taxation Working Papers. – 2024. – No. 68. – 86 p. DOI: 10.1787/9a815d6b-en.

19. Bares F., Devereux M. P., Güçeri İ., Patil V. The Impact of the Global Minimum Tax on Incentives for Business Location, Investment, and Profit Shifting // Journal of International Business Studies. – 2026. DOI: 10.1057/s41267-026-00860-z.

20. Schjelderup G., Stähler F. The Economics of the Global Minimum Tax // International Tax and Public Finance. – 2024. – Vol. 31. – No. 4. – P. 935–952. DOI: 10.1007/s10797-023-09794-w.

21. OECD. Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy – Subject to Tax Rule (Pillar Two): Inclusive Framework on BEPS. – Paris: OECD Publishing, 2023. – 72 p.

22. United Nations General Assembly. Resolution 79/235 of 24 December 2024 on the Promotion of Inclusive and Effective International Tax Cooperation at the United Nations and the Terms of Reference for a United Nations Framework Convention on International Tax Cooperation. – New York: United Nations, 2024.

23. United Nations. Intergovernmental Negotiating Committee on the United Nations Framework Convention on International Tax Cooperation. Workstream II – Taxation of Services: Co-Lead's Draft Options Paper. A/AC.298/CRP.27. – New York, 21 January 2026.

24. Vanderbruggen E. The UN Framework Convention on International Tax Cooperation: Enhancing the Systemic Integration of Global Tax Rules into the International Legal System? // Goettingen Journal of International Law. – 2026. DOI: 10.59609/1868-1581-2291.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 03.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 03.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.